

УДК 81'33

Савицкий В.М.*(г. Самара)*

ОНТОЛОГИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЛАКУН

Аннотация. Эта статья – отклик на возникновение и развитие лингвистической лакунологии как отрасли, направленной на изучение безэквивалентности языковых единиц и их этнокультурной специфики. Наряду с признанием ценности этих изысканий, в статье излагается *votum separatum* по поводу толкования онтологического статуса языковых лакун и целесообразности применения понятия «лакуна» при сопоставлении языков. Критикуется межязыковая трактовка лакун, приводятся аргументы в пользу их внутриязыковой сущности, а также в защиту того, что безэквивалентность и лакунарность языковых единиц / форм – это два разных явления.

Ключевые слова: небытие, отсутствие, безэквивалентность, лакуна, лакунарная (виртуальная) единица, схема / норма языка.

V. Savitsky*(Samara)*

THE ONTOLOGY OF LANGUAGE LACOONS

Abstract. The article is a response to the emergence and evolution of linguistic lacunology as a research trend focused on analyzing culture-specific language units having no equivalents in other languages. The article contains the author's *votum separatum* concerning the ontological status of language lacoons, criticism of their interlinguistic interpretation, doubts about the expediency of applying the concept of lacoon in comparative analysis, and arguments in favour of the view that equivalentlessness and lacunarity of language units / forms are two different phenomena.

Key words: non-existence, lack, equivalentlessness, lacoon, lacunary (virtual) unit, language scheme / norm.

Слово *лакуна* (< лат. *lacuna* “впадина” [6]) в общелитературном языке имеет значение «пропуск, пробел» [12]. Как термин оно применяется в ряде областей науки и в каждой имеет свою смысловую специфику. В частности, в языкознании используется термин *языковая лакуна*, который обозначает многогранный, нелёгкий для осмысления феномен; толкования образуют клубок противоречий, которые вызваны тем, что лакуна парадоксальным образом совмещает в себе бытие и небытие.

Чтобы размотать этот клубок, обратимся к онтологическому аспекту проблемы.

Что такое языковая лакуна? «Отсутствие какой-либо единицы в одном языке при её наличии в другом» [4, с. 242]? Или «пустая клетка в системе именования» [10, с. 40]? Или «идеальное содержимое, представляющее собой виртуальную единицу, занимающую место в языковой системе» [3, с. 10]? Или «слово, словосочетание, грамматическая категория, бытующие в одном из... языков и не встречающиеся в другом» [11, с. 79]?

Эти определения не сводимы друг к другу. Отсутствие чего-то в каком-то месте не есть ни само это место, ни его идеальное содержимое, ни тем более реальное содержимое какого-то другого места. Таким образом, разные лингвисты относят понятие «языковая лакуна» к разным объектам; при этом одни называют лакуной то, что другие именуют лакунарной единицей / формой. Это понятие тоже трактуется по-разному. Рассмотрим ряд трактовок на предмет проверки их состоятельности.

1. Лакунарными называют единицы и формы, которые присутствуют в одном языке, но отсутствуют в другом [1, с. 22]. Правомерна ли такая трактовка? Отвечая на этот вопрос, учтём данные толковых словарей: *присутствовать / отсутствовать* значит «находиться / не находиться в положенном месте». Всякое высказывание о присутствии / отсутствии какого-то объекта в каком-то месте имеет прагматическую пресуппозицию: «Данному объекту положено находиться в данном месте». Иначе нельзя сказать, что он там присутствует или отсутствует; просто он там находится или не находится. Например, можно сказать, что в вольере нынче отсутствуют слоны: ведь вольер для них и предназначен. Но, как верно отметил Ч. Филлмор, нельзя сказать, что слоны сегодня отсутствуют на кухне [15, с. 64]; ведь им там быть не положено, и места для них там не отведено. Точно так же нельзя сказать, что единицы или формы одного языка отсутствуют в другом языке; им там быть не положено, и их там просто нет. Значит, лакунарную единицу/форму нельзя определить как такую, которая присутствует в одном языке, но отсутствует в другом.

2. Иногда лакунарная единица/форма трактуется как такая, которая есть в одном языке, но которой нет в другом [11, с. 79]. Но под это определение подпадают **все** единицы и формы всех языков: ведь каждая из них есть в своём языке, и её нет в других языках (в них есть лишь её эквиваленты, принадлежащие своим языкам). Приняв эту трактовку, пришлось бы, по логике вещей, считать, что **всякая** единица/форма лакунарна в том смысле, что она «в другом языке имеет пробел,... т. е.

лакуну» [1, с. 22]. Но на самом деле пробел существует лишь для **отсутствующего** (недостающего) члена парадигмы, подобно тому, как на кухне есть специально отведённое место для кухонной плиты; а то, чего в языке просто **нет**, не может иметь в нём отведённой для него пустой ячейки, подобно тому, как на кухне нет места слонам. Иначе мы придём к абсурду: получится, что в структуре каждого языка для всех единиц и форм всех других языков есть пустые ячейки нужной конфигурации, причём непонятно, как и для чего они там возникли. Структура языка не безразмерна, она не может вместить все единицы и формы всех языков.

Ячейка в парадигме – явление совершенно определённое; его наличие и конфигурация обусловлены строением парадигмы. Оно, в свою очередь, детерминировано свойствами членов парадигмы – единиц данного, а отнюдь не другого языка. Этот тезис согласуется с фундаментальным учением Ф. де Соссюра о «ценности» элементов в системе. Ячейка не может сформироваться в парадигме лишь потому, что в каком-либо другом, произвольно взятом языке имеется какая-то единица или форма. Такая ячейка иллюзорна; это плод воображения учёного, пытающегося мысленно вставить единицу или форму одного языка в структуру другого языка. Но этот мысленный эксперимент не способен реально образовать ячейку в структуре другого языка.

Термин *заимствование* может ввести в заблуждение: он наводит на мысль, что слово берётся из языка А и переносится в язык В, после чего в языке В якобы существует слово языка А. Но это не так. Подобно тому, как всякий земной организм биологически есть плоть от плоти матери Земли, состоит из земных материалов, плотно вписан в земной биоценоз, является частицей Земли и не может существовать, скажем, на Марсе, так и всякое слово лингвистически есть плоть от плоти родного языка, состоит из его «материалов», вписано в его систему и не может существовать в другом языке (за исключением варваризмов, которые отчасти сохраняют черты родного языка; но их весьма немного).

«Перенос» слова из языка в язык условен; на самом деле это не перенос, а создание по образцу. В языке В по его правилам **создаётся** слово, сходное со словом языка А. Сходство ограничивается тем, что лексическая основа нового слова приблизительно созвучна основе прототипа, а значение точно или примерно совпадает с одним из значений прототипа. Примером может служить слово *компьютер*. С момента своего возникновения оно является единицей **русского** языка по ключевым показателям: фонемному и морфемному составу (в отличие от англ. прототипа *com-put-er*, это корневое слово), а также словообразовательной структуре, грамматической парадигме, морфологическим

категориям, количеству значений, синтаксической связи с определяющими словами (согласование, а не примыкание, как у англ. прототипа) и, наконец, по кириллическому написанию. Тот факт, что образцом для его создания послужило английское слово, не делает его единицей английского языка. Проведём аналогию: когда в России в XVII в. по французскому образцу из русских солдат были сформированы мушкетерские полки, это не означало, что в составе Российской армии появились французские воинские части.

Таким образом хотим подчеркнуть: единиц одного языка не может быть в другом языке.

«Займствованная из языка А» (а в действительности созданная в языке В) единица или форма отвоёвывает себе место, «расталкивая локтями старожилов» и в той или иной мере перестраивая парадигму; но нет оснований утверждать, что ячейка (да ещё и требуемой конфигурации) была каким-то образом заготовлена для неё заранее.

Исходя из сказанного, выстроим силлогизм: а) если какой-либо единицы/формы в языке нет (она не отсутствует, а просто её нет), то она не имеет в нём пробела (лакуны) и, значит, не является лакунарной; б) единиц/форм языка А нет в языке В; в) значит, они в языке В не имеют лакун и не могут быть названы лакунарными. Значит, лакунарную единицу/форму нельзя определить как ту, которая есть в одном языке, но которой нет в другом.

3. Иногда пишут, что единица/форма языка А **«образует лакуну.. в языке В»** [18, с. 175]. Но слово *образует* подразумевает активное действие единицы/формы языка А на структуру языка В. Само по себе наличие той или иной единицы/формы в языке А, конечно, не может быть расценено как воздействие на язык В. Что же касается заимствования, в ходе него единица/форма языка А обуславливает появление нового элемента в языке В, однако ячейка для него возникает в момент заимствования и не пустует ни минуты, а следовательно, это не лакуна. Ни до, ни после заимствования единица/форма языка А не образует пробел (лакуну) в языке В. Значит, лакунарную единицу/форму нельзя определить как такую, которая принадлежит одному языку и образует лакуну в другом.

4. Иногда лакунарность уравнивают с безэквивалентностью, имея лакунарной единицу/форму языка А, у которой нет эквивалента в языке В [13, с. 4]. Но выше мы показали, что если в объекте чего-то нет, то и лакун нет, а раз так, то нет и речи о лакунарности. Значит, лакунарную единицу/форму нельзя определить как ту, у которой нет эквивалента в другом языке, т. е. как безэквивалентную.

5. Иногда лакунарным именуют виртуальный (отсутствующий) эквивалент единицы/формы какого-либо другого языка. В ряде случаев его можно себе представить. Так, латинскому причастию будущего времени *moriturus* могло бы служить эквивалентом русское виртуальное причастие **умрущий*. Однако эта форма отсутствует в **русском** языке, мысленно конструируется по законам **русского** формообразования (без апелляции к латыни), имеет ячейку в парадигме **русского** причастия и «органична для **русского** языка» [19, с. 259]. Так причём в данном случае латинский язык? Логично будет утверждать, что **умрущий* – это собственно русская лакунарная форма. Её эквивалентность латинскому причастию не даёт оснований говорить, что латынь (или иной язык, в котором есть причастие будущего времени) на этом участке обуславливает наличие лакуны в русском языке. Если какой-либо иной язык и заслуживает упоминания в этой связи, то лишь как повод обнаружить в русском языке его собственную лакуну. Верно сказано, что такая эквивалентность «характеризует не тип лакуны, а способ её выявления» [10, с. 7]. Но этот способ факультативен – лакуны в языке можно обнаруживать исходя из строения самого языка, путём простой экстраполяции, не обращаясь к другим языкам (табл. 1):

Таблица 1

Выявление языковой лакуны путём изменения глагола по временам

прошедшее время	умер	умерший
настоящее время	умираю	умирающий
будущее время	умру	*умрущий

В каких-то случаях лакунарная единица/форма одного языка может оказаться эквивалентна реальной единице/форме какого-либо другого (произвольно взятого) языка. Но эта эквивалентность (структурное и функциональное сходство) не есть её существенное свойство, подобно тому, как портретное сходство короля Умберто с трактирщиком Сантини не было существенным свойством короля. Сходство – это лишь внешнее обстоятельство, вследствие чего оно не может лечь в основу дефиниции. Можно дать определение «король – тот, кто возглавляет феодальную иерархию» (это существенный признак), но нельзя дать определение «король – тот, кто похож на трактирщика» (это несущественный признак). Точно так же лакунарную единицу/форму можно определить как отсутствующий элемент языка, но нельзя определить как отсутствующий эквивалент элемента другого языка.

6. Иногда определение *лакунарная* относят не к самой виртуальной единице/форме, а к её реальному эквиваленту в другом языке, например, не к русскому виртуальному причастию будущего времени **умрущий*, а к латинскому реальному причастию *moriturus*. Утверждается, что его можно назвать лакунарным по отношению к русскому языку, поскольку там для него существует пустая ячейка. Но дело в том, что эта ячейка существует **не для него**. Она эндогенна и не имеет отношения к другим языкам. Можно, конечно, мысленно вставить латинскую форму *moriturus* в пустую ячейку русской причастной парадигмы, однако этот эксперимент полезен при изучении межъязыковой безэквивалентности, а не лакунарности. Отсутствует ли в другом языке эквивалент или его там просто нет – в обоих случаях в межъязыковом плане имеет место безэквивалентность; лакунарность же имеет место не в межъязыковом, а во внутриязыковом плане. Значит, лакунарную единицу/форму нельзя определить как такую, у которой отсутствует эквивалент в другом языке.

Подведём итоги. Лакунарную единицу/форму нельзя определить как такую, которая в **другом языке** 1) отсутствует; 2) не находится/имеет лауну; 3) образует лауну; 4) не имеет реального эквивалента; 5) является виртуальным эквивалентом единицы/формы другого языка; 6) имеет виртуальный эквивалент в другом языке. Одним словом, единица/форма одного языка ни в каком смысле не может называться лакунарной относительно **другого языка**. Межъязыковая трактовка лакуны вызывает большие сомнения, ибо ведёт к вышеописанным противоречиям. Чтобы создать логически выверенную трактовку лакуны, рассмотрим непростое соотношение категорий бытия и небытия. О нём писали Г. Гегель [5], А.Ф. Лосев [9], М. Хайдеггер [17].

Пытаясь осмыслить лауну как небытие, мы постоянно сталкиваемся с тем фактом, что она в то же время есть некое бытие. Эта онтологическая двойственность лакуны приводит к путанице – отождествлению элемента, отсутствующего в одном языке, с элементом, присутствующим в другом. Но в другом языке присутствует не он. Ниже мы покажем, что потерянный элемент следует искать вовсе не в другом языке.

Попытка представить небытие как бытие нарушает формально-логический закон тождества, согласно которому небытие есть небытие, а значит, небытие не есть бытие. Но дело обстоит не так просто. Философы рассмотрели соотношение небытия и бытия с позиций диалектической логики, где категории предстают как «становящиеся, переходящие друг в друга, исчезающие друг в друге» [8, с. 145]. А.Ф. Лосев писал: «Небытие не есть бытие. Но бытие в отношении небытия является тем,

что не есть оно, бытие, т. е. оно является небытием. Следовательно, небытие не есть небытие. Но то, что не есть небытие, есть бытие. Следовательно, небытие есть бытие... Небытие и бытие **есть и не есть** одно и то же» [9, с. 414-415], т. е. они одновременно тождественны и не тождественны.

Выше речь шла о небытии и бытии как таковых в отвлечении от их содержания (качественной определённости). Обращаясь к их содержанию, т. е. небытию и бытию **чего-то**, А.Ф. Лосев отметил, что они «совпадают в **становлении**» [9, с. 421]. Когда p становится q , в этом становлении совпадают небытие p и бытие q . По законам сохранения материи и энергии, нечто не возникает из ничего и не обращается в ничто. В мире непрестанно происходит взаимопревращение вещей. Небытие чего-то есть не ничто, а **инобытие**. Небытие чего-то одного иногда оборачивается бытием **чего-то другого**, а иногда — **того же**, но в ином модусе, т. е. иной форме, или иной субстанции, или ином локусе.

В одних случаях у вещи сменяется **форма**, которая придавала ей качественную определённость, но при этом сохраняется субстанция. Так, в ситуации, описываемой изречением «Перекуем мечи на орала» (Исаия 2: 6), вследствие перековки наступает небытие мечей, которое оборачивается бытием орал; при этом субстанция (металл) остаётся прежней. Мечи и орала не тождественны формально, но тождественны субстанционально.

В других случаях наступает небытие вещи в определённой **субстанции**, которое оборачивается её бытием в иной субстанции, но в той же форме. Так, статуя Самсона в Петергофе была разрушена, но позднее точно воссоздана по эскизам из других материалов, но в той же форме. Оригинал и копия не тождественны субстанционально, но тождественны формально. Такое тождество считается аналитическим: перед нами не та же, а такая же вещь. Но если в качестве вещи рассматривается чистая форма в заданном интервале абстракции, при смене субстанции сохраняется синтетическое тождество — вещь остаётся той же. Например, «язык, будь то устный, или писанный, или телеграфированный азбукой Морзе, или переданный... флажковой сигнализацией, остается ... всё тем же ... языком» [7, с. 103].

Кроме того, речь может идти о небытии вещи в данном **локусе** — «связной области пространства-времени» [2, с. 264], становящимся её бытием в ином локусе. При этом сохраняется синтетическое тождество — это не такая же, а та же вещь. Например: «Что вы ищите живого среди мёртвых? Его нет здесь. Он воскрес ... и предвяет вас в Галилее; там Его увидите» (Матфей 28: 6-7).

Особый случай – **виртуальное** (по Г. Гегелю [5], субъективное) бытие вещи в виде её ментального образа, существующего в иной (ментальной) субстанции и ином локусе (когнитивном мире) при сохранении формы. Если вещь рассматривается как чистая форма в заданном интервале абстракции, то синтетическое тождество сохраняется. Так, единица или форма языка, произнесённая, написанная или мыслимая – это одна и та же единица/форма.

Язык – **система**. Каждый элемент системы имманентен ей и имеет свою ячейку, чья локализация и конфигурация обусловлены строением системы. Если в системе отсутствует элемент, то в её структуре остаётся пустая ячейка; по форме и местоположению ячейки можно судить о некоторых свойствах отсутствующего элемента, подобно тому, как можно судить об очертаниях и цвете выпавшего кусочка мозаики. Реальное небытие элемента имплицитно подразумевает его виртуальное бытие.

В системе **нет** чужих (внесистемных) элементов, но **отсутствует** в ней только свой (системный) элемент. На этом основании дадим определение: **лакуна** – это реальное отсутствие в системе её собственного элемента, подразумевающее его виртуальное присутствие. Он выступает как **лакунарный**. В частности, языковая лакуна – это реальное отсутствие в языке его единицы или формы, которая присутствует в нём виртуально и является лакунарной по отношению к **данному** (а не иному) **языку**. Лакуна (нехватка) предполагает наличие лакунарной единицы/формы и ячейки для неё, но сама лакуна не есть ни единица/форма, ни ячейка.

Отсутствие языковой единицы/формы в одном локусе предполагает её присутствие в другом. Многие полагают, что этим другим локусом является другой язык. Но, как было показано выше, единица/форма одного языка не может присутствовать в другом языке. Тогда где же присутствует единица/форма, отсутствующая в данном языке? Она присутствует не в другом языке, а в **виртуале** данного языка.

Что такое виртуал языка? Отвечая, примем во внимание оппозицию «идеальная система – её практическая реализация» (вспомним противопоставление Платона «идея вещи – её воплощение»), а в отношении языка – ельмслевскую оппозицию «языковая схема – языковая норма».

Верно отмечено: «По законам русского языка деепричастие может быть образовано от **каждого** глагола», но у ряда глаголов «деепричастия ... не употребительны» [14, с. 2]. Так, форма **пляша* не реализуется в норме, но бытует в схеме языка виртуально и в этом смысле является его элементом. В норме она не произносится и не пишется, но она мыслится (любой носитель русского языка в случае надобности может

правильно образовать её); а как упоминалось выше, единица/форма, произнесённая, написанная или мыслимая – это одна и та же единица/форма. Её виртуальное бытие подтверждается тем, что она всё же реализуется в речи окказионально, например: «И в гроб пойдет *пляша*» (М.И. Цветаева).

Как реальные, так и виртуальные (лакунарные) единицы /формы существуют в схеме языка как **знаки-типы**. Разница между ними, по сути, статистическая: она состоит в том, что первые регулярно, а вторые лишь окказионально реализуются в речи в качестве **знаков-событий**, подобно тому, как по одним литейным матрицам часто, а по другим лишь от случая к случаю отливаются изделия. В Интернете нами обнаружено несколько случаев окказионального употребления причастия *умрущий* в живой русской речи, например: «Остаётся последний, вот-вот умрущий ребёнок» (С. Воложин). Значит, нельзя сказать, что данная форма не существует вообще; она отсутствует в норме (не употребляется регулярно, т. е. нормативно), но присутствует в схеме русского языка.

Диалектика бытия и небытия в языке приводит к выводу: языковая лакуна – это не просто пустота, а такая пустота, которая содержит виртуальную (лакунарную) единицу/форму, притом не чужого, а данного языка. В этом смысле лакуна есть одновременно небытие и бытие (М. Хайдеггер [17] даже трактовал отсутствие не как небытие, а как модус бытия – виртуальное бытие). Здесь следует сказать о параллели с пониманием вакуума в квантовой механике: по П. Дираку, вакуум – это не абсолютная пустота, а пространство, заполненное виртуальными элементарными частицами, которые при некоторых условиях переходят в реальный мир. Аналогично, виртуальная единица/форма, конструируемая по законам данного языка, при определённых условиях может становиться реальной. На этом основан потенциал формо-, слово- и фразообразования.

Так, в 1921 г. Андрей Белый пророчески написал: «Мир рвался в опытах Кюри // *Атомной* лопнувшей *бомбой* ...». В то время ни самой этой бомбы, ни её названия ещё не было. В устах поэта данное словосочетание было окказионализмом. Он создал его по законам русского языка, но тогда оно ещё не было единицей русского языка. А в 1945 г., независимо от стихов Андрея Белого, возникла и сама бомба, и её названия, в том числе русское, которое из виртуала перешло в реал.

Для определения понятия «языковая лакуна» несущественно, что есть, а чего нет в других языках. Рассмотрим пример: лакуной в русском языке является отсутствие формы 1-го лица ед. числа буд. времени у глагола *победить*. Эта форма выводится «на кончике пера» из парадигмы

глаголов второго спряжения на *-дять / -деть* по аналогии с реальными формами *подтвержу, разбужу, погляжу ...* и выглядит как **побежу*. Для неё есть ячейка в парадигме этого глагола; она виртуально существует в схеме русского языка. Чтобы её установить, не обязательно обращаться к другим языкам. А если у этого глагола нет, например, формы взаимно-совместного залога, то это не лакуна, так как русскому глаголу эта форма несвойственна: ей нет места (ячейки) в его парадигме, а значит, нет и лакуны. И те языки, где данная залоговая форма существует (например, казахский), к этому обстоятельству не относятся.

Лакуна (**нехватка** элемента) должна устанавливаться с учётом строения **данной** системы. Это эндо-, а не экосистемный феномен. Мы согласны с утверждением: «Вряд ли можно говорить о межъязыковых лакунах, противопоставляя их внутриязыковым, так как лакуны характерны для определённой языковой системы» [10, с. 7].

Что касается **нуль-знаков**, в ряде трудов (см.: [3]) они трактуются как вид лакун. Но логично, что это не лакуны, так как нуль-знак по определению есть не отсутствие знака, а знак, чьим планом выражения является нуль, подобно тому, как в математике нуль есть не отсутствие числа, а число. И не имеет значения, что в каком-либо другом языке данное значение представлено ненулевым знаком. Например, русской нуль-флексии родительного падежа множественного числа (*татар-ø*) эквивалентна белорусская ненулевая флексия (*татар-аў*), но в обоих языках на данном участке лакуны нет. Поэтому мы не согласны с тем, что лакуна – это имеющаяся в языке В «нулевая лексема» или «нулевой коррелят» единицы языка А [1, с. 22]. Нулевая единица/форма – это знак, а лакуна – это отсутствие знака.

Смещение нуль-знака и лакуны, по-видимому, вызвано смещением двух толкований пробела. В одних случаях пробел – это знак, а в других – отсутствие знака. Так, пробел между словами, созданный пишущим для обозначения словораздела, есть не лакуна, а нуль-знак, тогда как пробел в рукописи, возникший вследствие того, что часть букв стёрлась, есть отсутствие знаков, которое текстологи правомерно называют лакуной.

Межъязыковая трактовка лакуны предполагает, что безэквивалентная единица/форма языка А имеет в языке В лакуну, которая заполнена «виртуальной» (или «нулевой») единицей/формой. Так ли это?

Рассмотрим хрестоматийный пример: в чукотском языке имеется 22 названия для снега в разных его видах, но нет названия для снега вообще; в русском языке есть обобщающее имя, а снег в разных видах именуется шестью словами: *позёмка, наст* и др. (снег в других видах

обозначается речевыми словосочетаниями). На этом основании утверждается, что в русском языке в данном лексическом поле имеется $22 - 6 = 16$ лакун, а в чукотском — одна лакуна (отсутствие обобщающего названия).

В эскимосском языке инупик имеет 18 названий для снега в разных видах и ни одного — для снега вообще. Получается, что в русском языке в данном поле есть или $22 - 6 = 16$, или $18 - 6 = 12$ лакун, в чукотском — либо одна, либо ни одной, а в языке инупик или $22 - 18 = 4$, или одна лакуна, в зависимости от того, с каким из этих языков проводится сравнение. А если рассмотреть ещё и четвёртый, и пятый языки, число лакун будет меняться соответствующим образом. Так сколько же их? И есть ли они вообще?

Ряд учёных, анализируя лакуны, склонны недооценивать принцип **системности** языка. Между тем согласно ему строение лексического поля определяется тем, что Ф. де Соссюр назвал ценностью его членов. Слова «соприкасаются локтями», создавая структуру поля. Пустые ячейки также формируют структуру поля, подобно освободившемуся пространству от выпавших кусочков мозаики. Незаполненность ячеек вызвана внутриязыковыми причинами (так, форма **побежу* у глагола *победить* отсутствует, по-видимому, из-за угрозы омонимического столкновения с просторечной формой глагола *побежать*), но никак не сравнением с другими языками. Иначе пришлось бы считать, что структура поля — это не ингерентная часть структуры данного языка, определяемая лексическим составом поля, а нечто внешнее, определяемое сравнением с другими (произвольно взятыми) языками и меняющееся при смене эталона сравнения — одним словом, некий фантом.

Другой фантом — это лексема языка А, «занимающая определённое место в системе (языка В) в статусе нулевой лексемы» [3, с. 10]. Признав её существование, пришлось бы далее признать, что, скажем, в языке дикого племени пираха, живущего в джунглях Амазонки, чукотский язык неизвестным образом создал 22 лакуны определённой конфигурации, влияющие на структуру языка пираха и заполненные нуль-названиями различных состояний снега, о существовании которого, как и о существовании чукчей и чукотского языка, скорее всего, не подозревают дикари племени пираха. Такие «нулевые лексемы» — это фикция. Под внимательным взглядом она тает, как таял бы снег в джунглях Амазонки.

Если системы А и В не изоморфны, то наличие какого-либо элемента в системе А не значит, что в системе В тоже непременно должен быть такой элемент. Вполне возможно, что он системой В не предусмотрен, ей не требуется и для него в ней нет места. Проведём анало-

гию: в бензиновом двигателе есть карбюратор, но это не значит, что в дизельном двигателе есть ячейка для «нуль-карбюратора»: в дизельном двигателе карбюратор не предусмотрен, и устанавливать его там негде.

Подчеркнём ещё раз: межъязыковая лакуна — это не объективный факт, а артефакт, креатура исследователя, который, как упоминалось, мысленно вставляет лексему языка А в язык В и называет её нулевой лексемой в языке В. Это субъективизм. Если в языке В на каком-то участке нет ячейки, то нет и лакуны, и мысленно вставлять элемент языка А некуда; а если ячейка существует, то лакуна эндогенна и не связана с другим языком. **Ячейка предназначена для лексемы своего, а не другого языка.** И если лингвист мысленно вставляет лексему языка А в ячейку языка В, то это не более чем приём сравнительного анализа; он не обуславливает объективное существование лакуны в языке В.

Иной случай — лакуна, выявляемая в самом языке, безотносительно других языков. Она объективно существует, так как строение парадигмы предполагает наличие ячейки. Но нецелесообразно называть лакуну внутриязыковой, так как этот термин подразумевает существование межъязыковых лакун. Логично называть её просто языковой лакуной.

Единица или форма в одном языке и лакуна в другом иногда сосуществуют, но это не предполагает наличие причинной связи. Так, отсутствие в русском языке слова для верхней стороны бёдер сидящего человека — это лексическая лакуна, но она существует не потому что, например, в английском языке есть такое слово (*lap*), а потому, что в русской лингвокультуре имеется это понятие, передаваемое не отдельным словом, а словосочетанием («Сел и *посадил её к себе на колени*, — знаешь эту восхитительную женскую тяжесть?» — И.А. Бунин), а в русской анатомической номенклатуре для десигнатора этого понятия имеется ячейка. Полагая, что эта русская лакуна существует вследствие наличия в английском языке слова *lap*, мы впадём в логическую ошибку типа *cum hoc ergo propter hoc* («сопутствует этому — стало быть, вследствие этого»). Похоже, что вся межъязыковая трактовка лакун проистекла из этой ошибки.

Прокомментируем трактовку лакуны, в рамках которой под лакуной понимается «отсутствие в одном из языков ... наименования того или иного **понятия**» [1, с. 15] (или концепта). Можно ли считать это лакуной? Да, если данное понятие (или концепт) входит в данную лингвокультуру, и нет, если не входит. Лакуна по определению должна устанавливаться относительно **своего**, а не чужого понятия/концепта, а относительно чужого логично будет говорить не о лакунарности, а о безэквивалентности.

Система понятий, как правило, гиперэтнична (она существует в рамках культурной общности, включающей ряд этносов), но не универсальна для всех лингвокультур мира. Из этого вытекает важное следствие, которое мы проиллюстрируем примерами.

Понятийный аппарат геометрии Евклида входит в состав того, что Б.Л. Уорф называл среднеевропейским стандартом. Ч. Филлмор указал, что для понятия «катет» в немецком языке имеется слово *Kathete*, а в английском для него нет слова [16] (по-английски катеты именуются переменными словосочетаниями *trigon legs forming the 90° angle* «бёдра треугольника, образующие угол в 90°», *sides about the right angle of a triangle* «стороны прямого угла треугольника» и т. п.). В английской геометрической терминосистеме – это **лакуна**, но она устанавливается на фоне среднеевропейского стандарта, который входит в том числе и в английскую лингвокультуру. Другие европейские языки (немецкий, русский и т. д.), в которых имеется лексическое название для катета, только вносят неясность, заставляя думать о межъязыковом характере лакуны. В действительности они здесь ни при чём: английская лексическая лакуна устанавливается не относительно них, а относительно английской лингвокультуры, в которую входит понятийный аппарат Евклидовой геометрии. Таким образом, мы остаёмся в рамках внутриязыковой трактовки лакун.

Но дикарям племени пираха неведом среднеевропейский стандарт. В частности, в их языке нет названия для катета. Однако **это не лакуна**. Для названия необходима ячейка, предполагающая наличие системы, а понятийно-терминологической системы Евклида в лингвокультуре пираха нет, т. е. нет мета понятию «катет» и его названию. По отношению к лингвокультуре пираха «катет» – внесистемный, а не лакунарный элемент.

Лакунарный элемент – это не то, чего в системе нет и быть не должно, а то, что должно быть, но его нет. Мы согласны с тезисом В.Г. Гака: «Лексические лакуны – отсутствие слов, которые должны присутствовать в языке, если исходить из его отражательной функции ... и из лексической системы языка [а не других языков. – В.С.]» [4, с. 261].

Недоукомплектованность какого-либо объекта устанавливается исходя из представления о полном комплекте, который характерен для большинства объектов данного класса. Значит, и языковая лакуна устанавливается на фоне того или иного класса языковых объектов. Эти классы образуют иерархию, и лакуны выявляются на разных уровнях абстракции. Так, отсутствие формы **мечт* у существительного *мечта* устанавливается на уровне парадигмы русского I склонения (ср. *мачт*,

почт, яхт, шахт...); отсутствие форм единственного числа у существительных *plurality tantum* устанавливается на уровне парадигмы русского существительного вообще; отсутствие вокатива у современного русского имени существительного выявляется на уровне парадигмы славянского существительного, для которого характерно наличие данного падежа. Но это не означает выхода в межязыковой план. В структуру отдельного объекта подвидовая, видовая и родовая структуры встроены как контуры разных уровней абстракции. Установление лакун на их фоне представляет собой не выход за пределы данного языка, а переход на более высокие уровни абстракции. Таким образом, в этом вопросе мы по-прежнему стоим на платформе эндо-, а не экзосистемной трактовки лакун.

Системность – категория градуальная. Чем жёстче система, тем чётче в ней видны лакуны. Жёсткую систему можно представить в виде матрицы, где обнаружатся пустые ячейки. Например, в русской системе консонантизма существует регулярная оппозиция глухих и звонких, но фонема [ч] в этом ряду не имеет звонкого коррелята. На наш взгляд, его отсутствие можно считать **фонологической лакуной** в системе русского языка.

Точно также хорошо видимы **морфологические лакуны** в грамматических парадигмах слов. Например, в парадигме глагола *очутиться* чётко прослеживается отсутствие формы 1-го лица единственного числа будущего времени. Виртуальная принадлежность указанной формы схеме русского языка подтверждается её спорадическим появлением в речи, например: «Не знаю, в каком я раю *очучусь*, // Каких я морей водолаз» (Н. Глазков).

В менее жёсткой системе – словарном фонде языка – выявлять лакуны труднее, поскольку структура лексической парадигмы (поля) не столь ригидна, как у фонологической или морфологической парадигмы. Слова семантически пересекаются, взаимозаменяются, иногда заполняют собой опустевшие соседние ячейки и теснятся, впуская в свои ряды новые слова в большом количестве. Это «зыбкая» система. Чтобы констатировать в ней наличие **лексической лакуны**, требуется доказать, что то или иное слово **должно** находиться в данном поле, имеет в нём чётко выделяемую пустую ячейку необходимой конфигурации.

Лексические лакуны легко выявляются в **терминологии** из-за строгой системности значений терминов. В лексических полях с менее жёсткой структурой критерии выявления лакун размыты. Но всё же постараемся определить, что можно, а что не стоит считать лексической лакуной.

Словообразовательная система языка обладает высоким креативным потенциалом. Теоретически возможные продукты её работы неисчислимы. Мы полагаем, что нецелесообразно считать лакунарными все те единицы, которые можно сконструировать по моделям данного языка. Лакунарность слова следует определять прагматическим фактором – массовой коммуникативной потребностью в обозначении того или иного понятия или концепта. Потребность подразумевает нехватку, отсутствие, т. е. лакуну (например, англ. want означает: 1. «потребность»; 2. «нехватка»). Если она существует, то в виртуале языка некоторое время бытует лакунарное слово, периодически реализующееся в речи; чем регулярнее становится его употребление, тем больше оно превращается из лакунарного в реальное слово, переходя из схемы языка в норму. Это происходит сегодня, например, с введённым А.И. Солженицыным словом *образованцы*.

Если же потребность в десигнации понятия не массова и не устойчива, то она удовлетворяется созданием описательного переменного сочетания слов, либо одноразового слова. Ср.: «Леса *обезлѳсели*, леса *обезлѳсели* [т. е. в них перевелись лоси и лисы]» (В. Хлебников). Эти понятия неустойчивы, созданы ad hoc (в данном переменном контексте), а следовательно, их окказиональные лексические десигнаторы (*обезлѳсеть*, *обезлѳсеть*) не входят в схему русского языка; поэтому, на наш взгляд, их не стоит считать лакунарными единицами.

Если в данной лингвокультуре существует устойчивая семантическая единица (понятие или концепт), а слова для неё нет – это и есть лексическая лакуна.

Казалось бы, это чёткий критерий установления лексических лакун. Но дело осложняется тем, что одну и ту же семантическую единицу можно обозначать по-разному. Какой из теоретически возможных лексических десигнаторов понятия/концепта следует считать лакунарным? По нашему мнению, наибольшее право на этот статус имеет то возможное слово, которое периодически всё-таки возникает в речи.

Почему одни лексические названия в языке есть, а других нет? Почему, например, существует *пришелец*, но нет слова **ушелец*, легко конструируемого по той же модели словообразования? Потому ли, что в нём нет массовой коммуникативной потребности? Это сомнительно, так как уход бывает не менее значим, чем приход. Или потому, что место **ушельца* уже занято субстантивированным причастием *ушедший*? Но тогда почему место *пришельца* не занято причастием *пришедший*? Трудно объяснить. Установить причину, по которой чего-то нет, труднее, чем причину, по которой что-то есть. Но некоторые причины всё же можно предположить.

Если имеется начало лексического ряда (например, *вальсировать*, *полькировать*, *тангировать*, *канканировать*), это не обязательно значит, что существует матрица с лакунарными единицами (**чардашировать*, **кадрилировать*, **гопакировать* и т. п.). Такие гипотетические слова могут не соответствовать 1) правилам словообразования данного языка, 2) закону языковой экономии, 3) стилистическим канонам (в т. ч. требованию благозвучия), 4) когнитивной норме лингвокультуры. Несоответствие законам данного языка по тем или иным параметрам не позволяет считать такие элементы виртуально присущими ему, т. е. лакунарными. Возможно, глаголы типа **гопакировать* не отвечают каким-то законам русского языка, и тогда они не существуют не только в его реале (норме), но и в его виртуале (схеме), т. е. не являются лакунарными.

Потенциал языка, обеспечивающий его развитие в долговременной перспективе функционирования в социокультурном контексте, колоссален и во многом непредсказуем. Виртуал языка составляет лишь малую часть его потенциала. Это те единицы и формы, которые уже имеют ячейку в той или иной парадигме, легко конструируемы по аналогии с имеющимися членами парадигмы и, не употребляясь нормативно, реализуются в речи окказионально. На наш взгляд, лишь такие единицы и формы можно обоснованно называть лакунарными, а их реальное отсутствие, которое подразумевает их виртуальное присутствие – лакунами.

Следует осторожно подходить к постулированию лакун в лексике, **обосновывая** лакунарность того или иного гипотетического слова. И мы увидим: в языке нет эквивалентов для очень многих слов других языков, но отсюда не следует, что в нём имеется столь же много лексических лакун, потому что, как показано выше: «нет эквивалента» не значит «есть лакуна».

Итак, безэквивалентность и лакунарность – не одно и то же. Некоторые единицы и формы безэквивалентны (они не имеют эквивалентов в **других** языках), а другие лакунарны (они реально отсутствуют, но виртуально присутствуют в **своём** языке). Это **разные лингвистические проблемы**. Первая существует в межязыковом плане в рамках проблематики лингвострановедения, лингвокультурологии, сравнительной типологии языков, межязыковой идиоматичности, теории перевода, а вторая – во внутриязыковом плане в рамках теории формо-, слово- и фразообразования, дистрибутивного анализа, структурного описания языка.

Лакунология, в соответствии со своим названием, должна изучать лакунарные, т. е. виртуальные единицы и формы языка. Вместо них она

изучает то, что называют безэквивалентной лексикой и фразеологией, языковыми реалиями, идиоэтническими элементами языка и культуры. В этой области достигнуты значительные успехи, но соответствующая отрасль науки должна, на наш взгляд, называться не лакунологией, а иначе, например, идиоэтнистикой. Что касается лакунологии в точном смысле, она, по нашим представлениям, должна затрагивать такие темы, как языковая парадигматика, отношение между языковой схемой, нормой и узусом, потенциал языка и его практическая реализация, генеративные механизмы языка.

Нам могут возразить: термины до определённой степени конвенциональны. В известных пределах исследователь вправе придавать термину то значение, которое он считает необходимым; от него требуется лишь специально оговорить это. Так почему бы не приравнять значение термина *лакунарность* к значению термина *безэквивалентность*, как это и делают многие лингвисты? Но дело в том, что эта (межъязыковая) трактовка выходит за допустимые пределы произвольного толкования термина; как мы постарались показать выше, она противоречит самой сущности понятия «лакуна». Поэтому мы остаёмся на платформе внутриязыковой трактовки лакуны.

Мы всецело поддерживаем изучение безэквивалентных языковых форм и единиц. Но, на наш взгляд, во избежание противоречий не следует при этом пользоваться терминами *лакуна* и *лакунарная единица / форма*.

Однако наша аргументация не сводится лишь к тому, чтобы заметить упомянутые термины какими-то иными. Она направлена на то, чтобы определить сущность языковой лакуны, разграничить проблему лакун и проблему безэквивалентности и тем самым поменять единый подход на два разных подхода, более адекватных сущности этих феноменов.

Литература:

1. *Байрамова Л.К.* Лингвистические лакунарные единицы и лакуны // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. – № 25 (240). – Вып. 58. – С. 22-27.
2. *Барвайс Дж., Перри Дж.* Ситуация и установки // Философия. Логика. Язык: Сб. науч. тр. – М.: Прогресс, 1987. – С. 264-293.
3. *Быкова Г.В.* Лакунарность как категория лексической системологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1999. – 33 с.
4. *Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
5. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. – СПб.: Наука, 1997. – 800 с.
6. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. – М.: Рус. язык, 1976. – 1096 с.

7. *Ельмслев Л.* Метод структурного анализа в лингвистике // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях: в 2 ч. – Часть II. – М.: Просвещение, 1965. – С. 103-110.
8. *Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. 720 с.
9. *Лосев А.Ф.* Миф. Число. Сущность. – М.: Мысль, 1994. – 920 с.
10. *Матханова И.П., Трипольская Т.А.* Лакунарность в системе эмотивных средств русского языка // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте: Сб. науч. тр. – Новосибирск: изд-во НГПУ, 2009. – С. 6-16.
11. *Огурцова О.А.* К проблеме лакунарности // Функциональные особенности лингвистических единиц: Сб. науч. тр. Вып. 3. – Краснодар: Изд-во КГУ, 1979. – С. 77-83.
12. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* (ред.). Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1996. – 928 с.
13. *Плеухова Е.А.* Лексическая лакунарность и ее отражение в переводе. Дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2001. – 178 с.
14. Русская грамматика [Электронный ресурс] // ИРЯ АН СССР. – URL: <rusgram.narod.ru/index1.html> (дата обращения:).
15. *Филлмор Ч.* Основные проблемы лексической семантики // Зарубежная лингвистика: Избранное. 3. – М.: Прогресс, 1999. – С. 303-351.
16. *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике: Сб. науч. тр. – Вып. XXIII. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52-92.
17. *Хайдеггер М.* Бытие и время. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.
18. *Чан Тхи Нау.* Лингвокультурологический потенциал константы *берёза* в курсе русского языка для вьетнамских студентов // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И.Герцена. – 2011. – № 130. – С. 175-179.
19. *Эпштейн М.Н.* Есть ли будущее у причастий будущего времени? // Лингвистика и поэтика в начале III тысячелетия: Материалы международной науч. конф. – М.: Институт русского языка РАН, 2007. – С. 259-266.